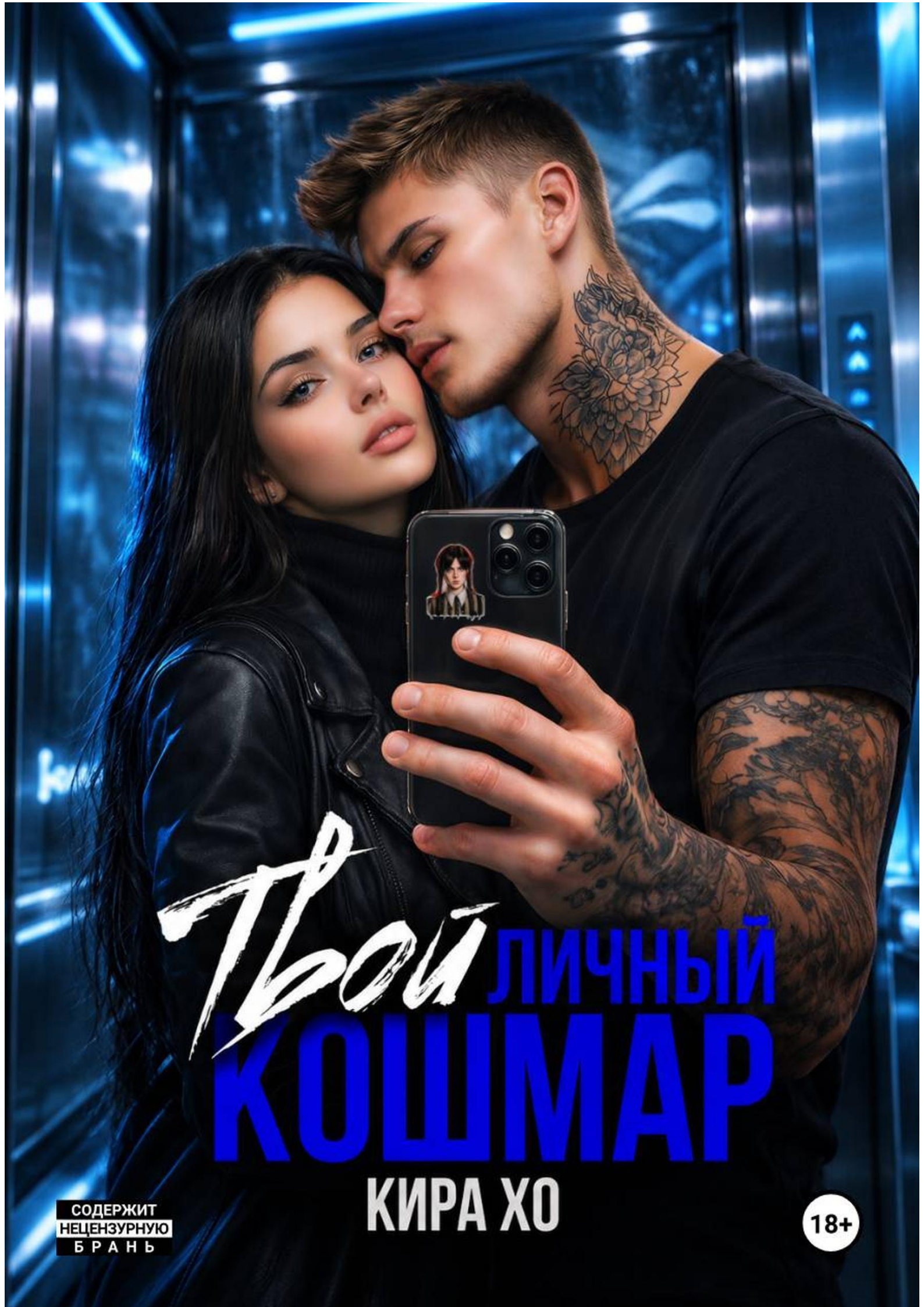
Твой
ЛИЧНЫЙ
КОШМАР
КИРА ХО
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Кира Хо

Твой личный кошмар

«Автор»

2026

Хо К.

Твой личный кошмар / К. Хо — «Автор», 2026

Я переехала в новый город в надежде осесть хоть где-то. И все шло спокойно: приятные знакомства, учеба идет гладко, даже подруга появилась!А потом оказалось, что меня приметил один псих, не знающий границ и слова "нет". Что делать? Куда бежать? И есть ли смысл, если хищник заприметил "добычу"?***– Аня, – понижая тон, смотрит на меня. Ну, я не была бы так уверена, что прямо на меня, потому что очки закрывают его глаза, но прям всем телом чувствую это давление. – Садись в машину.Тяжело сглатываю. Сажусь на переднее, пряча ладони между коленей. Руки ходят ходуном. Да чего уж там! Все тело трясется, как желе.– Что тебе нужно? – прочищая горло, спрашиваю я.– Ты, – коротко отвечает, пожимая одним плечом.Я даже воздухом подавилась.– Зачем? – спрашиваю тихо и осторожно. Кто его знает, в какую сторону рванет.– Хочу, – растягивает рот, обнажая белые зубы. И от этой улыбки волосы на всем теле встают дыбом.

© Хо К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

2. Транс 8
3. Не совсем одинокая 10
4. Искрит, как от замыкания 12
5. Непривычно 15
6. Хочется крушить 18
7. Я не хотел этого 20
8. Друзья 23
9. Поехали 26
10. Неожиданность 29
11. Гениальные идеи 32
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Кира Хо
Твой личный кошмар

1.

Ты знаешь, почему ты тут?

Ян

– Ты знаешь, почему ты тут? – её голос как масло, будто если сделает один неверный шаг и мина взорвётся. И задаёт она этот вопрос каждый ебаный день на протяжении нескольких недель.

Я всегда отмалчиваюсь, но уже даже меня бесить начинает.

– Потому что мой отец мудила, я предполагаю, – усмехаюсь тихо и перевожу взгляд на высокое, широкое окно.

Не потому, что мне дико интересно, что на улице происходит, а потому что меня бесит то, что творится в этом помещении.

– Ты тут, потому что твоё психическое состояние выходит из-под контроля, ты разрушаешь всё вокруг себя и вдобавок сломал руку своему отцу, – боковым зрением вижу, как поправляет крупные круглые очки, что сползли по её курносому носу.

Надо признать, для своих сорока с хвостиком она достаточно хорошенькая бабёнка. Милфа на максималках.

– Н-да? – перевожу взгляд на неё. – Не припомню такого.

– Ты не слышал, как хрустели кости твоего отца?

– Я думал, это кукурузные палочки, – усмехаюсь.

Голубые глаза на миг прикрываются. Она тяжело вздыхает и натягивает на пухлые губы еле заметную улыбку.

– Ян, если ты продолжишь выкручиваться, это затянется на очень долгое время…

Начинает что-то говорить психолог в юбке-карандаш, но её перебивает звук открывающейся двери. Поднимаю взгляд и вижу в проходе за её спиной девчонку. Чёрные длинные волосы раскинуты по плечам и волной ложатся на аккуратной груди. В светлой футболке и широких белых джинсах, которые очень заманчиво обтягивают круглые бёдра. Сама миниатюрная, глазища огромные, голубые. И нос… курносый.

– Мам я… – говорит и запинается. – Ой, прости, я не знала, что у тебя пациент.

– Подожди за дверью, – не оборачиваясь говорит она, а сама следит за моими глазами, которые уже, по-моему, раздели её дочурку до трусиков.

Сука! Уверен – они белые в чёрный горошек.

Дверь снова закрывается, оставляя объект для скана по ту сторону.

– А давайте сыграем в игру, – довольно скалюсь, переводя взгляд на блондинку в кресле напротив. – Я отвечаю на ваш вопрос, после того как вы ответите на мой.

– Мы не в школе, чтобы играть в такие игры, – милейший голосок грубеет.

– Я хожу к вам уже три недели, а сподвижек всё нет, – мой оскал превращается в тупую улыбку на пол еблета. – Рано или поздно у моего мудака-отца возникнут вопросы, чем мы тут занимаемся, раз вы тратите его деньги впустую. И я вполне могу рассказать ему в красках, как трахал вас возле вон того горшка с уебищным цветком, – указываю большим пальцем себе за спину. – Или тут, прям на этом столе, а ещё пару историй как шикарно вы, Людмила – как вас там по батюшке – сосёте, – с победным выражением лица раскидываюсь в кресле, на котором сижу.

Милфа становится багровой. Мне даже кажется, что от неё дым столбом валит. Молчит. А я жду. Я терпеливый. Правда, потом случается то, что случилось с батей, но ей ведь не обязательно этого знать.

Наблюдаю, как глубоко вдыхает, отчего аппетитная троечка поднимается, а на выдохе встаёт на место. Бля, надо было сначала трахнуть, а потом угрожать.

Проходит ещё минута, после чего она тихо говорит:

– Хорошо, давай сыграем.

Широко улыбаюсь, обнажая зубы, а затем задаю свой вопрос:

– Это ваша дочь? – киваю в сторону закрытой двери.

Людмила НеЕбуКакЕеОтчество стискивает челюсть, но всё же отвечает:

– Да. Как ты думаешь, какой момент стал переломным в твоей жизни, из-за чего ты стал таким, как сейчас? – следом задаёт свой вопрос.

Поднимаю глаза в потолок прикидывая.

– Да ни в какой, – жму плечами. – Всегда такой был. Сколько ей лет? – не делая паузы, спрашиваю снова.

Внутри разрывает от нетерпения. Будто пятилетке леденец показали, но резко убрали. Одним словом – красная лампочка загорелась.

– Девятнадцать. Может это из-за твоей матери? – проворачивает ту же схему.

Сжимаю губы, сдерживая желание ударить её лбом об этот дубовый стол. Теперь мне требуется пара минут, чтобы успокоить ураган внутри себя.

– Не думаю, что смерть мамы могла как-то повлиять на меня. С большим успехом это мог сделать похуизм отца, – всё же отвечаю я. Договорились ответ за вопрос – значит, надо. – Как её зовут?

– Аня. Что послужило поводом сломать своему отцу конечность?

Усмехаюсь.

Я, конечно, знал, что до этого вопроса дойдёт, но надеялся отсрочить этот момент.

– Он ударил меня, я ударил его. Всё честно.

– За что он тебя ударил?

– Э-н-нет, – медленно качаю головой. – Это уже второй вопрос, – перекидываю взгляд к часам на запястье. – А наше время уже закончилось. Какая досада, – притворно поджимаю губы, цокаю и встаю с места.

Обхожу стол, подхожу с Людмиле ближе. Она не двигается. Застыла словно статуя, смотря вперёд перед собой. Склоняюсь к милому лицу настолько, что чувствую запах лаванды, будто этим она готовилась к нашему сеансу, но это не помогло ей отогнать демона в моём лице.

– До среды, – выдыхаю ей в ухо, наблюдая, как полотно мурашек растекается по женскому телу, убегая под белую рубашку.

Заодно оцениваю троечку сверху вниз. Да, точно. Надо было сначала трахнуть.

И выхожу из кабинета.

Черноволосая ведьма ещё сидит на кожаном диване в приёмной. Лицо задумчивое, смотрит в экран телефона. Стоит только двери за моей спиной закрыться, как поднимает голову, встаёт. Подходит ближе и замирает.

– Можно пройти? – блеет.

Смотрю сверху вниз на неё. Не сразу понимаю, что перекрыл ей вход. Усмехаюсь.

– Если хорошо попросишь, – наклоняюсь к её лицу.

Втягиваю носом сладкий фруктовый аромат. Ловлю странный приступ экстаза.

– П-простите? – её голос вздрагивает, а у меня от этого лютый стояк.

– Ян, я думаю тебе пора, – слышу за своей спиной.

Продолжаю сканировать голубые глаза перед собой, не обращая внимания на недовольное пыхтение и горячее дыхание на своём затылке. Секунду, две, десять. Но всё же выпрямляюсь и делаю шаг в сторону, давая ведьмочке пройти.

Широко улыбаюсь.

Её мне надо…

2. Транс

Аня

Захожу в кабинет вслед за мамой, а руки дрожат. Странный парень какой-то… Глаза хоть и теплого голубого цвета, но настолько ледяные, что стало не по себе. И будто душу ими наизнанку вывернуть пытался. А здоровый какой! Весь проход собой занял! И это не только о размерах тела: он на уровне ауры “широкий”. Такой, что будто в капкан забрал. Не по себе от этого стало. Но, признаю – красивый. Очень.

– Ты за ключами? – бросает мама через плечо, открывая ящик стола.

– Угу, – отвечаю, оставаясь у двери, сложив руки перед собой.

Наблюдаю за матерью и немного поражаюсь. Обычно она – само спокойствие, всегда размеренные движения, легкий, почти убаюкивающий голос. Но сейчас каждое ее действие рваное, дерганое.

Как она его назвала? Ян? Редкое имя. Это на него мама так реагирует? Интересно, что заставило его прийти на сеанс?

Вздрагиваю, зажмуриваясь, когда ящик стола звонко закрывается. Матушка оборачивается и поначалу ее взгляд строгий, даже злой, но через мгновение смягчается и она будто надевает маску спокойствия. Опять.

– Держи, – протягивает связку ключей. – И больше не заходи на сеансы.

– Я случайно, – шепчу, сжимаясь под ее напором.

– В следующий раз смотри на лампочку над дверью. Она не ради развлечения горит красным, – подходит ближе, гладит по волосам.

Но не нежно, как это обычно бывает, а скорее на автомате.

– Хорошо. Прости еще раз.

Ничего не отвечает, только кивает, давая понять, что мне пора идти. Не спорю и тенью выскальзываю за дверь. Протяжно выдыхаю.

Какой-то максимально странный день.

Выхожу из высокого здания, держа курс на автобусную остановку, попутно смотря в телефоне нужный мне номер автобуса. Ненавижу адаптироваться в новом городе, но так как мы с матерью часто переезжали, уже привыкла к этому состоянию. Но еще чаще я разъезжала с отцом.

В целом, вся моя жизнь – это сплошные гавканья родителей, мелькающие здания с деревьями в окне машины и чемоданы. До моих пяти лет семья была полной, а потом началось: три года с отцом, в которые мы поменяли два города; четыре года с мамой, в которые мы переезжали тоже дважды; снова пять лет с папой, еще три города; год мама; год папа. И вот я снова у матери. В этот раз потому, что отца пригласили на новую должность где-то за границей, а у меня тогда только начался универ. Все бросать не хотелось, но все-таки пришлось кое-что поменять, а именно – город. Очередной. Опять.

Родители в целом не делили меня. Никогда. Просто перекидывали из рук в руки, как мяч в “горячей картошке”, и если до пятнадцати лет я обижалась, злилась на них из-за этого, то после стало все равно.

Еще в восемь я научилась играть на пианино, а мелодии Шопена очень здорово выводили из реальности и позволяли надолго “застрять” внутри себя. Отгородиться от внешнего мира, который был ко мне негостеприимным: никто не любит новеньких. В девять начала рисовать. Сначала нелепые солнышки и цветочки, но чем больше погружалась в это, тем лучше и увереннее водила кистью. И снова тот же эффект – выход из реальности.

Стою на остановке, кручу головой в ожидании. Вроде уже неделю тут, а все никак не могу привыкнуть к реально бесконечному движению. Но надо признать, виды этого города завораживают. Все очень большое, дорогое и будто вырванное из другого мира.

К маме приехала из магазина канцелярии. Учеба начнется через пару дней, и мне снова придется знакомиться с новыми людьми, пытаться влиться в коллектив, который за первый курс успел сплотиться. Опять чувствовать на себе косые, прожигающие кожу взгляды. Вот что я не люблю больше всего.

Пока еду в автобусе до дома, пытаюсь уловить вайб общественного транспорта. Люблю рисовать на таком вдохновении. Но все будто вытекает из памяти тут же, стоит только хоть немного зацепиться за нить. Вместо этого перед глазами всплывает ледяной взгляд того парня. Интересно, что он делал у мамы? Не, я как бы понимаю что. Интересно, почему. Парень-то вроде нормальный. Или у меня странное представление о том, как выглядят люди, приходящие к психологу?

На своей остановке выхожу и иду по дорожке, которую прошла за неделю раз пятьсот просто для того, чтобы запомнить. И на радость самой себе прохожу ее уже на автомате.

Дома тихо. Пусто. У мамы в принципе всегда мало чего есть в окружении. И мало кого. Даже в этой трешке: кухонный гарнитур, диван с телевизором в гостиной и по кровати с комодом в каждой комнате. В подростковом возрасте я еще как-то старалась добавить растений и украшений, чтобы было хоть чуть-чуть уютнее, но с каждым переездом это все терялось. Теперь я даже не пытаюсь.

Бросаю ключи в ключницу, не останавливаясь, иду в свою комнату. В руках шопер, до отказа набитый тетрадками, ручками, карандашами простыми и цветными, в общем, всем, что может понадобиться мне на учебе.

В моей комнате чисто, если не считать разбросанных разрисованных холстов, кистей, масляных красок, ластиков. Оглядываю пространство вокруг себя и подвисаю на мольберте. Прокручиваю в памяти сиденья из дешевой кожи в автобусе, теплый запах уходящего лета вперемешку с телесными выделениями людей вокруг, пылинки, которые летали под лучами солнца. Сама не понимаю, в какой момент сажусь на пол, а рука уже водит кистью по холсту. Размашистые линии, плавные движения, немного штрихов. Бежевый, черный, нежно-желтый и голубой.

Глаза закрываются, а когда открываются, выпадаю из “транса”, смотрю на изображение. На нем голубые глаза в обрамлении черных густых ресниц, светло-желтые, почти белые пряди немного прикрывают зрачок, который даже с льняного холста заглядывает в душу.

3. Не совсем одинокая

Аня

Утро началось с будильника. Разлепляю глаза, пытаюсь увидеть перед собой хоть что-то, но в них будто песка насыпали, а потому на это уходит минут десять.

– Сколько раз себе говорила: “Не рисуй ночью”, – вслух ругаю саму себя, пока почти на ощупь иду в ванную.

Прохладная вода немного приводит в себя, а теплый душ совсем уже ставит на ноги. Выхожу, прислушиваюсь. Мамы не слышно. А значит, либо она уже уехала, либо не возвращалась домой. Переворачиваю телефон, который держу в руках, экраном вверх и смотрю на время. Есть час, чтобы позавтракать и морально подготовиться к первому учебному дню.

Через полчаса сборов: уложить принадлежности в рюкзак; собрать волосы в хвост, пучок, косички, а после и вовсе оставить распущенными; и в конце поиск, что одеть, остановив выбор на обычном свитере и обтягивающих джинсах. Выхожу на кухню. Заливаю кукурузные хлопья молоком, ем. Просто смотрю перед собой, ни о чем не думая.

Еще через пятнадцать минут стою на остановке, дожидаясь свой автобус, нервно поглядывая на часы. Но его, как назло, нет. Уже начинаю переживать, когда практически перед моим лицом останавливается большая черная машина. Кто внутри – не разглядеть: окна плотно тонированные.

Но через несколько секунд стекло опускается, и на меня смотрят знакомые голубые глаза.

– Подвезти? – бархатистым голосом спрашивает парень, улыбаясь на один бок.

Таких совпадений не бывает. Два раза за двое суток – это перебор.

– Не нужно, я жду автобус, – отвечаю тихо, переводя взгляд на тротуарную плитку.

– Да брось, ведьмочка, я не кусаюсь, – усмехается.

Резко вскидываю голову, заглядывая ему в глаза. Как он меня сейчас назвал?!

– Не думаю, что нам по пути, – шиплю.

– А тебе куда?

– В технический университет, – отрезаю и сразу же отворачиваюсь.

– Какое совпадение, – смеется блондин. – И мне туда же. Садись, за это время мы могли бы проехать уже полпути.

Встаю на цыпочки, пытаясь разглядеть свой автобус из-за его машины, но на горизонте пусто. Снова смотрю на время – оно поджимает. Борюсь с разумной частью внутри себя, но все же она сдается: я делаю шаг, берусь за ручку двери и, открывая, сажусь внутрь.

Именно в этот момент из памяти почему-то улетучиваются все наставления старших о том, что нельзя садиться в машину к незнакомцу. Особенно если ваша первая встреча состоялась у кабинета психолога… Но это ведь мой первый день на новом месте! Мне нельзя опаздывать!

В салоне свежо и пахнет цитрусом. Ни единой пылинки, а солнечные лучи не пробиваются внутрь. Под ложечкой скребет от осознания, что воображению не за что зацепиться, кроме как за фигуру рядом, но он будто вообще перестал замечать мое существование, стоило мне сесть рядом. Автомобиль плавно трогается, и внедорожник выезжает на проезжую часть.

Прижимаю ближе к себе рюкзак, сводя ноги плотнее вместе, и всем корпусом поворачиваюсь к окну.

– Я ведь и правда не кусаюсь, – с усмешкой тихо говорит парень и кидает на меня короткий взгляд, который я все равно замечаю боковым зрением. – Как тебя зовут?

– Аня, – почти шепотом отвечаю.

Но он все равно услышал: слегка тянет уголок губ вверх и кивает.

– А меня Ян, – глядя на дорогу, парирует.

Краем глаза кошусь на него. Точеный профиль, острые скулы, пухлые губы. Даже его татуировка на шее, уходящая под черную футболку, и маленькая круглая сережка в ухе не портят всей картины. Залипаю взглядом на крепких руках, удерживающих руль. Часы, кольцо на среднем пальце. Весь вид говорит о сосредоточенности, стержне. Но каждое движение – плавное, почти ленивое. Уверенное. Ну вот хоть сейчас бери в руки карандаш и рисуй!

– Ты кажешься потерянной. Не местная? – с его уст это не звучит как оскорбление. Хотя обычно именно так.

– Переехала недавно, – киваю.

– Но не с матерью. Она-то тут точно не недавно, – усмехается Ян.

Молча киваю снова. Не хочу вываливать подробности своей жизни первому встречному. А он и не особо просит, только… давит. Всем своим присутствием.

Я, конечно, живу сейчас в доме с одним человеком, имеющим тяжелую ауру, но тут вообще другое. С ним рядом… страшно.

Сама не замечаю, как приезжаем к универу. Ян паркуется на широкой территории, и стоит нам выйти из машины, как к нему подходят двое парней. Беглым взглядом осматриваю два шкафа, которые буквально нависли надо мной словно коршуны: рослые, крепкие. Один с темными волосами и прожигающими нутро карими глазами, а второй не уступает им по размерам, но с короткой стрижкой почти белоснежных волос. Высветленные, что ли? Но долго не раздумываю об этом, ретируясь от них сначала спиной, а затем, разворачиваясь на пятках, убегаю не прощаясь.

Боже! Что тут за сборище?!

Если мне в первый же час попалась такая стайка, то кто тут еще обучается?!

Влетаю в холл, заполненный людьми. Гул стоит такой, что уши закладывает. Кручу головой в поисках доски с расписанием, и как только ловлю ее взглядом, направляюсь туда. Номер группы мне сообщили по почте, осталось только найти нужные аудитории.

Впериваюсь взглядом в огромную таблицу с разными цифрами, именами и наименованиями. С горем пополам нахожу нужную группу и, приближаясь ближе, наталкиваюсь на молодую девушку.

Поворачивает на меня голову, улыбается дружелюбно. Красивая. Милое лицо с темными глазами на контрасте со светлой кожей не оставляет без внимания. В целом выглядит мирно, так что я даже немного выдыхаю.

– Привет! Ты новенькая, да? Я староста двести двадцать второй. Меня предупреждали, что ты будешь. Лена, – продолжает широко улыбаться и протягивает мне руку.

Не думаю ни секунды и протягиваю свою в ответ.

– Аня.

– Очень приятно! – сияет Лена. – Пойдем, я тебя проведу. Побуду твоей путеводной звездочкой, пока ты осваиваешься.

Хватает меня под локоть и тащит в каком-то только ей известном направлении.

А мне становится чуточку спокойнее: хотя бы первые дни буду не совсем одинокой.

4. Искрит, как от замыкания

Ян

Смотрю как ведьмочка активно перегребает своими красивыми тонкими ножками, унося хрупкое тело подальше от нас. Даже не оборачиваясь. Туда, где скрывается в скоплении людей, заставляя невольно искать её чёрную головешку. Ноздри ещё прорезает от фруктового аромата, что окутал всё пространство в салоне Круза. Слишком сладкий, манящий. Бля, да я еле сдержался, чтобы не завернуть в первую же подворотню! Сука! Во второй раз ускользает! Если бы парни не подошли, мог бы и помягче к ней подъехать, а теперь…

– Вы два уебка, в курсе? Я её кое-как заставил сесть в машину, – тру переносицу двумя пальцами.

Я не специально её встретил… почти. Просто у здания, где работает сасная милфа, посидел в тачке и, проводив ведьмочку взглядом до остановки, пропалил, на какой автобус сядет. Узнал его маршрут, а утром поехал по нему же. Зачем? Понятия не имею. Просто в голове плотно засел образ, как я трахаю эту мисс невинность и скромность. Везде, где только можно и куда только можно. И снова – зачем? Не знаю. Но очень хочется. Только её опять спугнули!

– И-и что это было? – с усмешкой в тёмных глазах спрашивает Вадим, он же Гоголь.

Потому что однажды со злости поджёг машину одного додика. А додик этот был внутри. Ну и… мёртвые души, туда-сюда, все дела. Но тот выжил, если что. Просто шутка закрепилась.

Вадя один из моих школьных друзей и товарищей по всякой херне, которую мы обычно творим. А после той истории с поджогом я целиком и полностью убедился, что мы всё примерно одинаково отбитые.

– Да ты на его шары посмотри, – облокачиваясь на капот моего Крузака, лыбится белоснежными зубами под цвет башки Марк. – Искрят, как от замыкания. Уверен, в штанах уже дымится.

Второй школьный друг. Этот спокойный. Честно. Если не довести. Наверно поэтому его все и называют просто Марк. Чтобы лишний раз не проверять его нервы на прочность. Был один бедолага, так его кое-как по запчастям собрали.

– Хочешь заглянуть, Белоснежка? – бросаю насмешливый взгляд на друга, отвлекаясь от поиска.

– После тебя, – бьёт мне в плечо и ржёт.

– Ну давай, рассказывай, – Вадя встаёт рядом с Марком.

И теперь они в четыре глаза смотрят на меня как на инопланетянина. Смотрю в ответ, но в душе не чаю, что сказать. Если бы ещё сам понимал, как это всё объяснить.

– Встретились вчера в кабинете мозгоправа, – говорю коротко в надежде, что им этого хватит и от меня отвалят.

– Я думал, ты уже забил и не ходишь туда, – отрывая своё туловище от капота тачки лениво бросает Марк.

– Был бы рад, да батя ещё в ярости, – отвечаю и иду по направлению к универу.

Друзья в несколько шагов догоняют меня, но каждый из них продолжает гипнотизировать.

– Отъебитесь, ради всего святого, – закатываю глаза.

– Ради того, чего в тебе ни грамма? – ржёт Вадик.

– Святоша нашёлся, – отвечает ему Марк.

Клоуны, мать их. Качаю головой и иду молча, пока эти два придурка перекидываются колкостями.

Интересно, на кого она учится? Где сейчас её пара? В каком корпусе? Если ей девятнадцать, значит, второй курс. И если у них с матерью одна фамилия, значит, она тоже Самойлова. А если так…

– Гоголь, ты ещё трахаешь секретаршу из ректората? – спрашиваю на подходе к лекционной аудитории.

– Иногда, – пожимает плечами. – А чё?

– Нужна информация.

– Без проблем, – отвечает и толкает плечом дверь в аудиторию. – После пар сгоняю.

– Нет, – резко торможу, отчего Марк врезается в меня. – Сейчас.

Друзья перекидываются многозначительными взглядами, но молчат. По крайней мере, молчат насчёт моей реакции.

– О той цыпе?

Киваю.

– Я знаю, что она на втором курсе, зовут Аня. Скорей всего Самойлова, но это не точно. Новенькая.

Вадик поджимает губы, глубоко вдыхает, как если бы хотел послать меня в пешее эротическое, но всё же разворачивается и идёт в другом направлении. Марк продолжает стоять и сверлить взглядом мой висок. Я практически физически ощущаю его мысли насчёт того, какой я баран.

– Отвали, – бросаю через плечо и захожу внутрь, под его смешок.

Лектор что-то тарахтит, вещая об алгоритмах внутри сайтов и о способе поиска данных, будто издевается надо мной. Потому что я не перестаю юзать соцсети. Перебираю разные вариации её имени: Аня, Анечка, Анюта, Анна, Анно. Уже, блять, готов вбивать “Анархия”, потому что совпадений ноль. По фамилии тот же голяк. То, что попадается совершенно не то. Либо то, но очень умело скрыто. Как будто из ниоткуда явилась, но так же не бывает. Не тут. Не в этом городе. Чем она занимается? Откуда приехала? По каким критериям искать? Психую дико. Каждые две минуты смотрю на время.

– Блять, – срывается с моих губ тихо.

– Ты чё? – Марк поворачивает на меня голову.

– Гоголь ушёл и пропал, будто я его в тайгу послал.

– Нализывает информацию, – усмехается друг.

Я его поддерживаю смешком, но злиться и психовать не перестаю.

Ещё через двадцать минут Вадик влетает в аудиторию и под ошалевший взгляд препода проходит к нам. С хлопком усаживается рядом со мной, протягивая лист с напечатанной информацией.

– С тебя Изабель на два часа, – хмыкает Гоголь.

Тихо ржу.

Изабель — это танцовщица в местном элитном клубе. Почему именно она? У неё рот из другой вселенной, отвечаю. Насасывает так, что искры из глаз сыпятся. Ну и берёт естественно, в три раза дороже, чем другие.

Как заведённый хватаю лист, вчитываясь в каждую строчку. Ага, фамилия, как и предполагал Самойлова. День рождения двадцать четвёртого сентября. Да тут даже адрес есть! Дизайнерский факультет. Значит – третий корпус.

Выдыхаю из лёгких весь воздух, чувствуя наконец расслабление. Даже жить стало легче.

Если бы не одно “но”. От пары прошло от силы минут сорок. А у меня такое чувство, будто я больше ждать не могу. Как будто внутри сидит пёс и у него перед носом костью поводили. Так что теперь он разносит всё вокруг себя, наяривает круги на месте, скулит, скребёт лапищами по всему нутру, буквально вынуждая подпрыгивать на месте от нетерпения.

Именно поэтому в следующую секунду я встаю, собирая свой шмот со стола и, не обращая внимания на возмущения препода, выхожу.

Третий корпус. Всё просто. Отсюда на первый этаж, там по внутреннему переходу пара пролётов и я на месте. А аудитория? Сейчас и посмотрю в расписании.

– Сокол, а вы, почему не паре? – слышу за спиной голос декана, когда тычу пальцем в расписание двести двадцать второй группы.

– У меня голова болит, – отвечаю, не оборачиваясь.

– Ян, может не стоит начинать учебный год с прогулов? – мужской голос полосует по спине.

Передёргиваю плечами, словно это поможет избавиться от назойливого сорокалетнего мужика. Но я затылком чувствую его присутствие.

– Кое-какие дела доделаю и буду весь во власти учёбы, – усмехаюсь, разворачиваясь к нему, и ухожу.

Понятия не имею, говорил ли он что-то вдогонку: в голове бешеной каруселью крутился номер аудитории. И женское имя, сказанное тонким голосом.

5. Непривычно

Аня

Пока шли с Леной до аудитории, она рассказывала о всяких мелочах, связанных с универом: секции, внеучебная деятельность, спорт. В общем, обо всем, что могло бы меня заинтересовать в свободное от учебы время. Взяла мой номер со словами: “Чтобы я могла с тобой связаться, в случае чего”. За это же время я узнала, что добрая часть нашей группы – художники. Бывшие или действующие. Лена тоже, как и я, любит рисовать. Правда, рисует в основном акварелью.

– Научишь? – спрашиваю и тут же опускаю взгляд.

Не хочу, чтобы она подумала, будто я напрашиваюсь. Просто… очень непривычно, что кто-то с первой встречи улыбается действительно тепло и готов ввести в курс дела. Обычно все начиналось с: “Это твои проблемы, новенькая. Разбирайся сама”, да и на этом, собственно, и заканчивалось.

– Конечно! – сияет Лена. – Если ты обещаешь научить меня работать с маслом.

Широко улыбаюсь. Киваю.

– Без проблем.

Несмотря на свой невысокий рост и хрупкое телосложение, дверь в аудиторию Лена буквально выносит. В то время как я стараюсь вообще из-за нее не показываться. Издержки привычки.

– Внимание всем! – повышает голос, перекрикивая гомон голосов, привлекая к себе всеобщий интерес. – Это Аня, – поворачивается в пол-оборота ко мне и указывает на меня ладонью. – Она новенькая и будет учиться с нами. Если кто обидит – сама лично указкой отлуплю, все уяснили?

Говорит вроде грозно, но в голосе проскальзывают смешинки. Около двадцати пар глаз впериваются в меня. Кто-то смотрит дружелюбно и машет рукой, кто-то просто склоняет голову в приветствии, есть и те, кто делает абсолютно безразличное выражение лица.

– Привет всем, – наконец выдавливаю из себя.

Тишина. Глобальная. А в другое мгновение слышится поочередное “привет”. И на каждом рвано выдыхаю, будто с плеч слетает часть груза. Наблюдаю, как какой-то парень соскакивает с парты и, обходя компанию своих друзей, которые, кажется, окружили его, будто он король прайда, движется на нас. Лена в это же время хлопает меня по плечу, тихо приговаривая: “Ну, знакомься”, и идет к высокому ряду парт.

Парень останавливается в метре от меня, улыбается широко, по-доброму. Высокий. В меру широкий, не так как… Ян. Больше сказать сложно: белая широкая футболка не дает оценить всех масштабов. Темные, чуть волнистые волосы в короткой стрижке, глаза нефритового цвета, в которые получается заглянуть, только задрав голову. Такие зрачки сложно назвать просто зелеными: слишком глубокий цвет.

Понимаю, что мы очень долго рассматриваем друг друга, когда он начинает тихонько смеяться.

– Привычка художников, да? Рассмотреть все детали, – улыбается на один бок, засовывая руки в карманы брюк.

С губ срывается смешок.

– Я Аня, – зачем-то представляюсь еще раз.

– Матвей, – расцветает он в еще большей улыбке, протягивая мне руку. – Но можешь звать Тим.

Жму не раздумывая. Но зависаю, когда ощущаю мягкость его ладони. Опускаю взгляд и сжимаю ее крепче. Его рука крупная, но словно невесомая. На тыльной стороне виднеется сеточка из вен, а пальцы… они невероятно красивые. Длинные, изящные. Поднимаю взгляд на его лицо и вижу в его глазах смешинку.

– Отдашь? – кивает на наши сомкнутые ладони подбородком, наклоняя голову чуть вбок.

– Прости, – говорю шепотом и убираю обе руки за спину.

– Ничего страшного, – он не насмехается надо мной. Говорит вполне искренне. Наклоняется ближе и намного тише говорит: – Ты тоже очень красивая.

Щеки моментально вспыхивают, а я ищу глазами, в какую дыру провалиться, но меня спасает звонок, извещающий о начале пары.

Матвей подмигивает мне и идет обратно к компании своих друзей, а я, будто побитый щенок, иду к Лене.

– Можно? – спрашиваю, останавливаясь возле нее и еще нескольких девушек, что сидят в ровном ряду.

– Нужно, – улыбается она и немного сдвигается, чтобы мне хватило места.

Где-то в середине пары, на которой мне, между прочим, было довольно интересно: лектор – женщина – очень интересно рассказывает историю искусств, Лена слегка толкает меня локтем в бок. Непонимающе смотрю на нее, а вместо ответа она по парте подталкивает ко мне свой телефон. Секунду мешкаюсь, но все-таки опускаю взгляд на экран.

Тим222: Дай мне номер Ани. Я уверен, что он у тебя есть.

Поднимаю глаза на Лену. Та вопросительно смотрит. А у меня мандраж начинается. С чего бы это? Может, потому что это первый раз, когда парень захотел со мной общаться? Сам. Яна я не считаю, он… странный. А Матвей вроде неплохой. Добрый. И искренний.

Думаю еще несколько секунд, а затем киваю. Она водит пальчиками по экрану, а после блокирует телефон. Почти в то же мгновение мне прилетает сообщение в мессенджере.

Матвей: Я уверен, что Щитенкова меня уже сдала, но просто не мог удержаться.

Улыбаюсь, как дурочка. Кажется, даже свечусь, словно лампочка.

Я: Да, она тебя сдала. Но я не против.

Матвей: Хорошо. Потому что ты мне понравилась.

Читаю и резко закрываю лицо двумя руками. Что я говорила? История искусств? Что это? Где я вообще? Кто все эти люди? Можно спрятаться под стол?

Поднимаю глаза и ищу в десятке голов одну – темную. Но натыкаюсь на пристальный взгляд зеленых глаз и широкую улыбку. Улыбаюсь в ответ. До чертиков приятно. Даже кончики пальцев на руках покалывать начинает.

Остаток лекции, кажется, вообще не слушаю, раз за разом перечитывая нашу переписку из пяти сообщений.

Когда звенит звонок, собираю вещи с парты и жду Лену вместе с еще двумя девочками.

– Я Оля, – представляется одна из них – кареглазая шатенка со слишком большим количеством брендовых шмоток.

– Я Маша, – представляется вторая – блондинка с довольно доброй улыбкой.

Да, девочки ломают все стереотипы!

– Аня, – говорю в общую массу, но они и так это знали.

– Пойдемте? Следующая лекция по материаловедению, – вклинивается Лена и, обхватывая меня за плечи, тащит за собой на выход из аудитории.

Но стоит только нам выйти, как путь преграждает высокая фигура в черной футболке. Задираю голову, натыкаясь на проникающий под кожу взгляд голубых глаз.

– П-привет, – дрожащим голосом выдавливаю.

– Привет, – слишком хищная улыбка расползается по красивому лицу.

– Ань? – из-за спины Яна слышится голос Лены.

– Она догонит, – отвечает он за меня.

– Я не знаю, куда идти, – хмурюсь.

– Я провожу тебя, ведьмочка.

Руки начинают дрожать. Третья встреча с ним, и каждый раз одна и та же реакция. Он вообще человек?! Это слишком нереально.

– Не нужно, – пытаюсь сказать твердо, но выходит не очень.

– Ань, все нормально? – раздается за моей спиной другой мужской голос.

Наблюдаю, как голубые глаза лениво отрываются от созерцания моего лица и поднимаются куда-то выше моей головы. Небесно-голубой покрывается тенью, дымкой. Почти физически чувствую, как воздух вокруг накаляется, а эпицентр – я.

– Все нормально, – оборачиваюсь к Матвею и выдаю подобие улыбки. – Пойдем, – хватая его за локоть, тащу за собой. А уже смотря на Яна тихо говорю: – Рада была увидеться, пока.

И насколько позволяет скорость, ретируюсь оттуда. Спиной ощущаю, как плавится затылок. Не знаю зачем – оборачиваюсь. На точеном лице гуляют желваки. Сам по себе вроде расслаблен, как и в машине ленив, но взгляд мечет молнии. Да такие, что есть ощущение, будто вокруг него мир сейчас сгорит, оставляя только пепел.

Что это за напасть-то такая?! И как от нее избавиться?

6. Хочется крушить

Ян

Стою. Обтекаю. Хочется крушить. Но я глубоко вдыхаю, достаю из кармана телефон и набираю друга.

– Гоголь, нужна ещё инфа, – говорю, стоит только услышать от него в трубе “ало”.

– На кого опять?

– Двести двадцать вторую.

– Бля, пожалуйста, скажи, что ты ведёшь список дырок и это её номер в этом списке.

– Нет. Мне нужна инфа на всю мужскую половину двести двадцать второй группы, – поворачиваюсь лицом к стене.

– Сокол, ты угораешь, да? – на тяжёлом выдохе спрашивает Вадик. – У меня, блять, мозоль на языке будет.

Тихо ржу.

– Ничего, я уверен, что ты справишься, – типо подбадриваю.

– Если меня не хватит, то вам с Марком придётся мне помогать, – хмыкает он.

– Фу, нет. Не неси херни.

– А чё? Попробуй. Вкусненько, – гогочет в трубу.

– Не еби голову. Сделаешь? – начинаю психовать. – Я выкуплю тебе клуб вместе с Изабель на ночь. И ещё одну выберешь сам, – добиваю, зная, что от такого Вадик не откажется.

Несколько секунд в трубке — только его дыхание.

– Хорошо. К вечеру постараюсь. Ты на пары идёшь?

– Не. Закинешь ко мне на хату?

– Гонца нашёл? – слышу, раздражение в его голосе. – Не дохуя ли чести? Узнай, привези. Может ещё черноволосую за тебя трахнуть?

Прикрываю глаза. Глубоко вдыхаю. И со всей дури бью в оштукатуренную стену перед собой. Получается очень шумно, потому что студенты, что проходили мимо, шарахнулись в разные стороны. Мелкая белая крошка осыпается на пол.

– Заебал, тебе сложно, что ли? – спрашиваю выдыхая.

– Иди ты… – отвечает, а следом сбрасывает звонок.

Знаю, что он всё равно привезёт. И не потому, что я какой-то до пизды важный. Просто дружим давно. А он хоть и кажется весёлым дурачком на первый взгляд на самом деле тот ещё псих. Поэтому его реакция меня не удивила. Это он ещё не отказал. Хотя вполне мог.

Размашистым шагом иду обратно в общее фойе. Снова тычу пальцем в расписание второкурсников дизайнеров.

Четыре пары.

Прикидываю, что за это время я вполне могу свалить домой и вернуться к концу четвёртой. Ну и собственно, так и делаю. Размашистым шагом вылетаю из здания, двигаю к парковке, а оказавшись в салоне Круза, тут же запускаю движок.

Несмотря на то, что дом отца находится за городом, доезжаю быстро, правда, нарушив по пути пару десятков правил, но какая разница, если отец начальник СБ по городу и генерал в одном лице, да?

Перешагивая через ступеньку, поднимаюсь по крыльцу и захожу в дом. С кухни слышу голоса и иду на них. Открываю дверь в столовую и наблюдаю, как молодая любовница отца сидит на нём сверху. И так короткое платье задрано до талии, а она сама вылизывает ему уши.

– Ниже лизать надо, – комментирую, подпирая плечом косяк.

Две головы резко оборачиваются на меня.

– Почему не на парах? – спрашивает отец, отодвигая некогда сломанной рукой свою ненаглядную.

– Не хочу.

– Ян, как я рада тебя видеть, – мурлычет шкура.

На самом деле я уже даже привык видеть Яну в нашем доме. Понятия не имею, где батя её подобрал, но у неё на лице написано, что она шмара. Хоть и достаточно симпатичная. Тёмные волосы, заметно нарощенные, дутые губы, которые она в данный момент нализывает и мажет по мне взглядом. А, да. Она примерно моя одногодка. Может, на пару лет старше. Так что плюс-минус понятно, что Яна за человек, раз ошивается с сорокалетним мужиком. Ну и вдобавок ко всему трахает её не только отец.

– Если скажу, что это взаимно, то совру, – хмыкаю и, разворачиваясь на пятках, иду к лестнице на второй этаж.

Отец что-то ещё говорит мне вслед, но как-то до лампочки. Вообще, всё равно.

Заваливаюсь в комнату и тут же скидываю с себя шмотки, чтобы сходить в душ. Меня дико распирает, а член будто вот-вот взорвётся. И это нихера не от вида полуголой любовницы отца. Это, сука, от вида голубоглазой ведьмы, которую увели у меня из-под носа.

Включаю прохладный душ и встаю под струи воды. Ощущение, будто шипеть начал, от контраста. Из головы всё не выходит образ огромных голубых глазищ. Там своя мини-Вселенная, отвечаю. Как тысячи миниатюрных кристалликов всевозможных оттенков синего и голубого собрали в кучу. А её аромат… как будто попал на цветочные поля, посреди которых фруктовая лавка стоит. Даже сейчас, вдыхая запах хлорки, средства для стёкол, которым обрабатывает поверхности клининг и освежителя для дома я чувствую, сука, фрукты. Будто на уровне ДНК засела.

Ещё больше понижаю градус воды. И это ни черта не помогает. Член стоит, блять, будто карандаш привязали. Перехватываю своего неверного боевого товарища ладонью. Прикрываю глаза. Вижу лицо ведьмочки. А дальше рука делает всё на автомате.

Из душа не одеваясь напрямую в кровать. Пока отец лобзается с этой шкурой, можно не ждать, что придёт, а значит, есть время поспать. Глаза закрываются я и моментально проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь от ощущения дикой влажности и чувства, будто вся кровь в члене скопилась. Кое-как разлепляю глаза и смотрю вниз. Чёрная голова ритмично двигается, вверх-вниз наяривая так, словно ей чупа-чупс дали.

– Ты ебанутая? – спрашиваю хрипло, ещё не до конца проснувшись.

Яна поднимает своё ботоксное лицо на меня. Довольно улыбается.

– Ты такой хмурый был, – ведёт ладонью от головки до основания, заставляя сжать зубы плотнее. – Подумала, тебе это нужно.

– Отец узнает, что ты тут и больше в этом доме не появишься, – усмехаюсь, пока Яна продолжает мне дрочить.

– Он уехал, – тянет, проводя языком по головке, но взгляда не отводит.

Беру телефон в руки, смотрю на время. Ну конечно, проспал почти до вечера. Там уже не только четвертая пара закончилась. Перевожу взгляд на неё. В упор. Буквально секунд десять думаю.

– Только голову не поднимай, – бросаю я и откидываюсь на подушки.

Башка чёрная? Чёрная. А если имя наоборот сказать, то можно представить, что там и не она вовсе. Главное, чтоб голос не подавала больше.

7. Я не хотел этого

Ян

Яну буквально вытолкал за дверь, как только закончила, и поплёлся снова в душ, чтобы смыть с себя её слюни. Раздражение вроде немного спало, но стоит вспомнить слишком уверенное ебало того поца, как шторки опять закрываются. Ещё выглядит так… как педик, сука.

Выхожу в комнату, как раз, когда звонит телефон. На экране “Марк”.

– Алло? – бросаю раздражённо.

– Хером по лбу не дало? – ржёт друг. – Чё недовольный такой?

Глубоко вдыхаю, останавливая себя за секунду до того, как бросить телефон в стену.

– Говори, – сквозь зубы цежу.

– Вадя напоминает тебе о должке. Заодно говорит, что привезёт доки в “П.с.”

Отодвигаю телефон от уха и смотрю время. Восьмой час.

– Не рано?

– К одиннадцати, – отвечает Марк и одновременно громко матерится.

– Что там у тебя? – морщусь, отодвигая трубу от уха: его крик глушит.

– Какая-то сучка вылетела на дорогу. Всё давай, к одиннадцати на месте.

Бегло говорит он и отключается.

Что это, мать вашу, вообще было?

Смотрю как истукан на телефон. Честно? Вообще, никуда не хочу. Хочется воткнуть лицо в подушку и проспать до утра. Чтобы было завтра. Чтобы я, наконец, пошёл на сеанс, и, возможно, выпытал у матери ведьмочки всё что только можно. Даже руки потряхивает от предвкушения.

На кровать я всё же ложусь, но не спать. Вместо этого открываю соцсети. Снова. Опять пробую встряхнуть все возможные ресурсы в поиске той, которую уже придушить хочу. А когда я всё-таки нахожу её профиль с двумя фотками, на одной из которых её поза полубоком, а на второй ей явно меньше лет, чем сейчас, то практически подпрыгиваю на месте.

– Да, сука! Я сделал это! – ору на телефон.

Открываю одну, ту, на которой видно лицо. Всматриваюсь в каждую черту. Пробегаю глазами по каждой детали. Впитываю их, как губка. Сохраняю на телефон. Хотелось бы засунуть в смарт её полностью всю, чтобы ни один гандон больше не появлялся за изящной спинкой, но это позже…

Ещё несколько часов залипаю на фотку. Листаю страницу, на которой от силы пять записей, в основном – тупые цитатки. Но взгляд почти сразу же цепляется за значок “онлайн”, который появился вообще внезапно. Палец вздрагивает над кнопкой “написать сообщение”, но торможу себя. С ней надо либо аккуратно, либо за шкирку и в багажник. Но пока на повестке дня другое. Тебя, Уэнздей*, я оставлю на сладкое. Но чисто, чтобы напомнить о себе, ставлю лайк той самой фотке. Улыбаюсь в телефон довольно. Как ебанный придурок. И тут же с глаз эта фотка исчезает. Начинаю смеяться как больной.

– Поздно, мышка, – говорю экрану.

Тихий стук в дверь перебивает моё ликование. Поворачиваю голову в сторону входа и наблюдаю за Яной, стоящей в проходе.

– Тебя ещё не сдуло? – поднимая бровь, спрашиваю я.

– Андрей уехал, не оставив карты, – потупив взгляд, бормочет она.

Закатываю глаза так, что, кажется, вижу собственный мозг. Встаю с кровати и, только подойдя к комоду, вспоминаю, что так и не оделся: Яна смотрит ниже моего пояса и тяжело вздыхает. Достаю карточку из ящика, подхожу, отдаю ей.

– А теперь уйди нахер, – со вселенской усталостью говорю.

Непонимающе смотрит, но все же её куриных мозгов хватает, чтобы развернуться и уйти.

Быстро натягиваю на себя шмот, беру другую карту и выхожу из дома.

Когда приезжаю к клубу, друзья уже стоят возле него, оперевшись о капот Бахи Марка. Курят.

– Ты же сказал с мозолью останешься, – усмехаюсь, хлопая друга по плечу.

А сам как дикий ищу глазами папки, листы, да что угодно, хотя бы отдалённо напоминающее документы.

– Тебе повезло, – Вадя бросает в меня флешку. – В той группе оказалось не так много парней. Всего-то на пару палок.

Начинаем втроём ржать.

– И тебе показалось мало? – Марк косо смотрит на Гоголя.

– Хочу найти блондинистую сучку, натянуть её волосы так, что хруст был слышен и вытрахать из неё всю душу, – сквозь зубы отвечает Вадик.

– Сокола представить хочешь? – Марк заливается в приступе смеха.

А мы стоим и смотрим на него как на придурка.

– Бля, и почему я с вами всё ещё общаюсь, – закатываю глаза и, не дожидаясь этих двоих, иду в клуб.

– Потому что мы ахуенные, – летит мне в спину.

В ответ только бросаю средний палец через плечо.

В клубе, как обычно, сняли випку с несколькими диванами и отдельной комнатой с разными игрушками. Это было желание Вадика, а так как я должен – я плачу.

Внутри душно, стоит запах благовоний и секса. Но это только в комнатах. В основном зале довольно свежо, но народу, тьма-тьмущая. Музыка долбит по ушам, выбивая лишние мысли. Точнее, раньше так и было, а сейчас я держу флешку в кармане брюк. Сжимаю в ладони, будто кто-то может её забрать. Только что не лаял на всех мимо проходящих. Дебил. Самый натуральный.

Пока парни развлекались с девочками, я как ебантяй затикал администратора, чтобы мне дали ноутбук. После долгих уговоров, нескольких разбитых бокалов и овер-дохера чаевых, мне его все же дали.

И вот сидим. Одному сосут, второй всё-таки нашёл блондинку, а я в компе. Вставляю флешку и начинаю листать.

Не тот. Тоже не тот. Это вообще, что за уродец? О! Вот он!

Открываю нужный документ и листаю. Поглощаю информацию, как шредер бумагу. И когда, наконец, узнаю всё что мне нужно, поворачиваю голову к Марку.

– Марк? – зову его.

– М-м? – нехотя отрывает голову от спинки дивана, разлепляя глаза.

Мне уже кажется нормальным, что между его ног всегда кто-то шевелится. Как третья нога, мать его! Он даже как-то умудрился заставить одногруппницу сосать на паре по информатике. Как? А главное – нахера?

– У тебя в тачке ещё лежит бита?

Его лицо резко меняется. Становится острее. Веселее. Поворачивает голову на меня.

– Допустим, – тянет, обнажая белые зубы.

– Надо прокатиться на один адрес.

– Я с вами, – сквозь громкие шлепки слышится со смежной комнаты.

А ко мне в это время подходит Изабель. Окидываю взглядом длинные, худые ноги, выше к голым бёдрам, на грудь троечку в чёрном боди, по которой струятся чёрные прямые волосы.

Сука… она меня преследует, что ли?

– Ну привет, – улыбается девушка.

Смотрю прямым взглядом. Да бля… видят все возможные, я не хотел.

– Изи. Только молчи и не поднимай головы, – говорю я и откидываю голову на спинку дивана, под гогот друга.

*__Уэ́нздей Фра́йдей А́ддамс__ (англ. *Wednesday Friday Addams*) — дочь семейки Аддамс, созданная карикатуристом Чарльзом Аддамсом.

8. Друзья

Аня

Даже пройдя несколько коридоров, я чувствую прожигающий взгляд, от которого буквально горит между лопатками.

Матвей оставил нас с Леной и девочками еще после первого поворота, и теперь мы идем в полном молчании. Только когда приходим к нужной аудитории, Лена хватает меня под локоть и останавливает. Ждет, когда девочки зайдут, а потом говорит:

– Вы знакомы? С Яном?

– Нет, – хмурюсь. – Виделись два раза. Сейчас третий. А что?

– Они… не очень хорошие люди, Ань. Не рискуй, – тихо говорит она.

А я, ну… как бы поняла, что ничего хорошего от него ждать не стоит. Просто Ян будто гипнотизирует. Так вообще бывает? Чтобы человек одним взглядом мог к земле пригвоздить. От него флюиды странные исходят. А еще я хочу его нарисовать. Это я поняла утром в машине. И его голубые глаза на холсте, что лежит под кроватью в моей комнате, тому подтверждение.

– Ты знаешь его?

– Не близко, – Лена опускает глаза в пол. – По слухам, по рассказам. Он слишком темная лошадка. Неизведанная. Я хорошо знаю его друга. Он… можно сказать, что мой бывший. Но там долгая история.

Поджимаю губы. Хочется знать больше, но по виду одногруппницы заметно, что сейчас она не станет ничего рассказывать.

– Пойдем после пар к тебе? Покажешь азы акварели, – спрашиваю, улыбаясь, в попытке хоть как-то разрядить обстановку.

– Да, конечно! – сияет в ответ.

Заходим в аудиторию как раз со звонком. Всю лекцию я снова витала в облаках, только уже не из-за Матвея. Из головы не выходил Ян. Он ведь и правда хорош собой. Высокий, широкоплечий, видно, что спорт не обходил стороной. Или не обходит. А черты лица? Его будто из камня высекал умелый мастер. Я думала, такое только в кино или книжках бывает. Но нет. Он очень красив. Когда рядом стоит, так вообще сердце в бешеном ритме долбит, а по конечностям тепло разливается. Не укладывается, как такой красивый, милый и с лучезарной улыбкой парень может быть опасен. Или он просто как аконит? Яркий, притягательный, но во всех смыслах смертельный.

На фоне всех этих событий в моей голове будто скребется кто-то другой. Тот, кто хочет подобраться к нему ближе. Рассмотреть, потрогать. Узнать, что там внутри. Вскрыть, как ящик. Понять, почему же он для всех закрытая книга.

Интересно, как он узнал, где моя пара? Или случайно наткнулся? Только не верится мне в такие совпадения. “Случайно” на остановке, “случайно” у аудитории. И это в один день. Так просто не бывает. Или я придумываю?

– Ань, – шепчет Лена, привлекая внимание. Оборачиваюсь, вылезая из кокона мыслей. Смотрю на нее вопросительно. – Ты не подумай только, что я указываю тебе, что делать. Просто… ты новенькая, а эти звери… они не все знают слово “нет”.

Киваю. Мне нечего ей на это ответить. Я благодарна за заботу, о чем говорит моя полуулыбка. И, в общем-то, все.

Остаток пар проходит спокойно. Ян больше не объявляется, зато я видела его друзей, которые очень странно на меня смотрели. Вроде и не враждебно, но и доброго в их улыбке не было. Лена вообще у них на виду проходила с опущенной головой.

Матвей писал в течение пар. И даже сейчас, когда мы едем к Лене домой на автобусе, продолжает писать.

Матвей: Чем планируете заниматься?

Я: Лена покажет мне несколько уроков по акварели.

Матвей: У-у-у, мое слабое место. Но если будут нужны уроки по маслу, обращайся.

Вспыхиваю моментально. И делаю первый раз в жизни то, на что никогда не хватало смелости.

Я: И по маслу нужны. Буду рада твоей помощи.

Да, я нагло вру. И улыбаюсь.

– Тим пишет? – с загадочной полуулыбкой спрашивает Лена.

Киваю, краснея еще больше.

– Попросила у него уроков по маслу, – поджимаю губы, опустив взгляд.

Девушка взрывается веселым смехом. Не насмехается, а просто… радуется.

– Молодец, малышка, – хлопает меня по руке. – Взяла все в свои руки. Матвей хороший. У нас все девчонки за ним носились на первом курсе, но он как-то всех стороной обходил. Хотя я знаю, что у него девушка в том году была, со школы еще. Ну, значит, расстались.

Смотрит на меня, улыбается. И я не могу не ответить на улыбку.

От остановки до дома Лены идем пешком. Всего пару дворов, и вот она уже открывает подъезд девятиэтажки. Довольно новой, судя по ремонту внутри. Лифт. Пятый этаж, и заходим в квартиру.

– Мам, привет! Я не одна, – кричит она вглубь квартиры.

Стоит только разуться, как через несколько секунд из коридора почти буквально выплывает красивая женщина. На вид ей лет сорок, волосы, как и у Лены – светлые, а глаза вот голубые. Видимо, у Лены темные в отца.

– Здравствуйте, – улыбаюсь, видя, как женщина светится в ответ. – Я Аня.

– Привет. Лариса Владимировна, – представляется она. Затем переводит взгляд на дочь: – Как первый день?

– Все хорошо, – коротко улыбается и тянет меня за руку.

Уже когда оказываемся в ее комнате, до меня доходит:

– Надо было, наверное, что-то спросить? Сказать? – тараторю. – Прости, ни разу не знакомилась с чьими-то родителями, – опускаю взгляд.

Невыносимо видеть жалость в Ленкиных карих. Слишком за больное задевает.

– Не парься, – вдруг подходит она и обнимает меня за плечи. – У меня маман понимающая. Я сейчас быстро все притащу, пока можешь осмотреться.

Подмигивает, когда я поднимаю голову, и выходит из комнаты. Оглядываюсь. У нее тут темно. Минимально мебели, как у меня. Кровать, тумбочки около нее, комод и мольберт. Темные стены, почти черный паркет, и из всего этого выбиваются яркие, красочные и даже белые картины на стенах. Акварелью. Не могу сдержаться: подхожу ближе и начинаю разглядывать. На первый взгляд кажется, что это просто абстракции, но стоит приглядеться, как я вижу портрет парня. Еле различимый, если смотреть очень близко и знать, что искать, то только тогда увидишь. А на другой стене его же портреты, но уже более очевидные. Понятные. И всего на секунду мне кажется, что я где-то его уже видела, но туман рассеивается, стоит только двери открыться.

– Художества мои разглядываешь? – без улыбки смотрит на картины Лена, но стоит ей повернуться ко мне, как тут же обнажает зубы.

В руках у нее огромная коробка всяких принадлежностей. Удивительно, как они еще не валятся из неё.

– Помочь? – спрашиваю, кивая на её груз.

– Не, я сама. Сейчас всё разложу и начнём.

Киваю. Пока жду Лену, открываю соцсети, листаю новости. Не веду их вообще. Не вижу смысла светиться там, если нет отблеска в реальной жизни. Даже в новостях там всё как обычно: бывшая одноклассница в трусах, бывшая одногруппница без трусов и так далее, по списку.

И тут на экране появляется “шторка”:

Ваше фото понравилось Яну Сокол.

Сердце сразу же отбивает сумасшедший ритм, норовя выпрыгнуть за пределы грудной клетки. Руки ходят ходуном, но, несмотря на это, я захожу в свой профиль и одним нажатием удаляю эту фотографию.

Пожалуйста, не смотри на меня. Не надо. Не заходи сюда.

Зачем удалила? Понятия не имею. Но точно знаю, что не хочу, чтобы он видел эту фотку. И какую-либо другую – тоже.

9. Поехали

Аня

Мы настолько засиделись с Леной за рисованием, что ни одна из нас не заметила, как стемнело. Говорили мы обо всем. Я рассказала ей про свою семью: о том, что родители в разводе; почему я часто переезжала; как заводила новые знакомства (спойлер: никак); каково это – быть всегда новенькой. Лена то гулко вздыхала, то прикрывала рот рукой, то качала головой, цокая.

Выдала мне целую тираду на тему того, что нельзя всю жизнь ходить одиночкой, потому что даже самому жуткому интроверту нужен человек с такой же чертинкой, как у него. И заверила, что после сегодняшних посиделок, раз я ее до сих пор не пришибла за взрывной характер и неуемную пятую точку, то у меня навряд ли получится избавиться от подруги в лице Лены. А я и не была против. С Ленкой приятно. Тепло. Уютно. И несмотря на то, что она как собака, которая бегает туда-сюда, а я как кошка, с плавными и медленными движениями, мы очень хорошо сработались.

Она, в свою очередь, рассказала о своей семье: о том, что не знала отца; что мама работала не покладая рук, а сама Лена в шестнадцать начала ей в этом помогать; чем любит заниматься кроме рисования, и даже о своем бывшем. Правда, о нем она говорила с трясущимися руками и сквозь ком в горле. В красках описывала, какой он обаятельный, чуткий и заботливый. До тех пор, пока в нем не сыграет ревность… Потом обычно летели зубы, ломались кости, стекала кровь и горели машины. И он – это один из друзей Яна. Кто именно – Лена так и не сказала.

На вопрос, любила ли она его, ответила коротко:

– Оглянись. На всех картинах – Он.

Ну, и большего ответа мне не понадобилось.

Они были вместе на ее первом курсе. Как расстались и из-за чего тоже не сказала, только что это было не так давно.

Когда я закончила свою работу, то с ужасом заметила, что на ней – взгляд голубых глаз. Опять. Как это происходит, до сих пор не поняла. Ленка только поджала губы и пробурчала что-то вроде:

– В нашем полку прибыло.

Теперь сижу, жду, когда Лена соберет все принадлежности, чтобы потом проводить меня на остановку. Хотя сомневаюсь, что сейчас есть хоть какие-то автобусы: слишком поздно. Телефон издает тихий “пилик”. Смотрю в экран.

Матвей: Как ваши уроки? Уже можно записывать тебя в учителя?

Тихо смеюсь.

Я: Конечно, нет! Я и акварель далеки друг от друга. Вот жду Лену, чтобы пойти на остановку.

Матвей: В такое время? Давай я приеду и отвезу тебя. Я не кусаюсь. Честно.

Прошибает током от последней фразы. Но тут мне хотя бы верится, что это правда. Разрывает между сказать четкое “давай” и такое же четкое “не надо”. Вместо этого захожу из-за угла.

Я: Тебе не напряжно?

И сижу, практически покусывая ногти. Очень не хочется его заставлять или, что еще хуже, – выглядеть совсем беспомощной.

Матвей: Нет. Буду через пять минут. Щитенкова недалеко от меня живет, – почти сразу прилетает ответ.

А я протяжно выдыхаю, расслабив плечи. Сама не заметила, что сидела все это время напряженная, как статуя.

– Лен, меня Тим заберет, – тихо говорю я, смущаясь. Не понятно чего, правда.

– О, отлично! Так я хотя бы не буду переживать, как ты добралась. Он тут через пару этажей живет, – машет рукой куда-то в сторону окна и выходит, чтобы унести краски.

Когда выходим из комнаты, то слышу глобальную тишину. Ни голоса, ни телевизора, ни даже телефона.

– Лен, а мама…? – начинаю, не договаривая.

– Либо спит, либо на ночной смене, – пожимает плечами.

И вместе со мной начинает обуваться. Стоит только засунуть ноги в кроссовки, как приходит сообщение от Матвея, со словами “Выходи”.

В темноте улица Лены кажется все еще достаточно светлой. Освещенная фонарями, с приличным изобилием зелени и даже с клумбами. Мне почему-то вспоминается одна из квартир мамы, практически самая первая. Она была в таком районе, что там даже днем без баллончика ходить было страшно, а уж про ночь вообще молчу. А вспоминается она потому, что контраст дикий.

У подъезда стоит чистая белая иномарка, одно из стекол которой опущено, а из салона смотрит Матвей. Я снова заливаюсь краской при виде одногруппника, и вся сжимаюсь под его взглядом. Но по-хорошему. Такое… теплое волнение. Приятное.

Тим с улыбкой кивает на переднее и я, потупив взгляд, сажусь, куда сказали, предварительно закинув сумку на заднее. Стоит только закрыть дверь переднего пассажирского, как голова Лены просовывается в салон авто через открытое окно.

– В целости и сохранности, Пластов, – тычет в него тонким указательным пальцем, на котором еще остались следы краски.

Тим смеется. Кивает. И этого Ленке хватает, чтобы вылезти обратно на улицу и с важным видом помахать нам на прощание.

– Ну, как посидели? – глядя на меня и закрывая окно, спрашивает Матвей.

– Хорошо, – пожимаю плечами, пытаюсь спрятаться в них. – Лена хорошая.

– Это да, – тихо смеется он. – Мини-ураган в платье. Именно поэтому она староста нашей группы.

Поддерживаю его смех.

Матвей плавно вкручивает руль и потихоньку едет в сторону главной дороги. Стараюсь не пялиться на него очевидно, но все равно то и дело бросаю взгляд. Все такой же легкий беспорядок на голове, белая футболка, свободно сидящая на нем, руки, не обремененные часами или какими-то украшениями, а сам по себе расслаблен.

– Адрес скажешь? – переводит глаза от дороги на меня и мягко улыбается.

Распахиваю глаза, снова пойманная за разглядыванием, и опускаю пылающее лицо вниз. Лучше, пожалуй, коврики поразглядываю.

– Мира, 17, – говорю тихо.

– Ого, далековато, – восклицает он.

– Я могу доехать на такси, – начинаю, захлебываясь, оправдываться.

– Я не об этом, – хмурясь, снова смотрит на меня. Вижу его лицо сквозь полуопущенные ресницы. – Я к тому, что: как ты вообще собиралась до дома добираться после десяти вечера?! Вообще с ума сошла?

Расплываюсь в улыбке. Приятно до чертиков. До горящих щек и покалывания на кончиках пальцев. Сразу два человека беспокоятся за меня. Это… непривычно. Опять.

– На такси бы и поехала, – говорю тихо.

– И отдала бы состояние! В следующий раз сразу пиши мне. Буду занят сам, так кого-нибудь из своих попрошу, договорились? – останавливаясь на выезде из дворов, спрашивает. Его зеленые смотрят с добротой.

– Хорошо, – в очередной раз краснея, отвечаю.

Вообще, кажется, будто последние дни я только и делаю, что заливаюсь краской. Будто еще чуть-чуть и взорвусь от этого.

– Не хочешь чая? Кофе? Лимонад? – очередью выдает, выезжая на проезжую часть. – Поехали покатаемся?

Думаю всего секунду, прежде чем кивнуть и ответить:

– Поехали.

10. Неожиданность

Аня

Утро следующего дня началось шикарно. Правда, домой я вернулась поздно, но, на удивление, все равно выспалась. С кровати аж подскочила и вприпрыжку понеслась в ванную. Только на полпути торможу, увидев маму. Ночью, когда приехала, ее не было.

– Привет, – слабо улыбаюсь, наблюдая, как она подносит чашку с кофе к губам.

Вся такая строгая, в белой рубашке и черной юбке. Светлые волосы собраны сверху. Ну, прям леди. Откуда у нее такой серьезной, взялась я? Вот такая.

– Привет, – перекидывает пустой взгляд с телефона в другой руке на меня. – Почему вчера так поздно вернулась?

– А ты почему позавчера дома не ночевала? – парирую.

Сверлим друг друга взглядом. Да, пожалуй, мама – единственная, кому я могу что-то ответить. Не потому, что не люблю или не уважаю. Скорее, потому что ее я больше воспринимаю как хорошую знакомую. Хотя и побаиваюсь.

Мой вопрос остается без ответа, как, собственно, и ее, а потому продолжаю путь в душ. Быстро умываюсь, моюсь и так же быстро иду обратно в комнату. Все это время не переставая думать.

Ночью Матвей возил меня в круглосуточную закусочную. Но там все было довольно вкусно. Особенно клубничный лимонад, который я по случайности разлила в машине. Думала, Тим меня прибьет, но нет. Посмеялся, протер салфетками и промолчал. Да и в целом все было достаточно комфортно. Мы много разговаривали, смеялись, делились чем-то из прошлого.

Единственный момент, заставивший меня напрячься, – когда Матвей спросил насчет Яна. Рассказала, конечно, как есть, опуская момент с кабинетом мамы. Кто его знает, что мне сделают, если буду распускать язык. Судя по рассказам Лены, туда лучше не соваться и дорогу не переходить.

Сегодня у нас день практики, и мы всей группой едем куда-то за город. Что там будет – без понятия, но интересно до чертиков. Матвей вчера пообещал, что я могу поехать с ним в машине. Вместе с Леной.

За окном пасмурно, так что надеваю широкие джинсы, темную водолазку и уже на выходе подхватываю кожаную куртку.

И только когда подхожу к остановке, замираю, как вкопанная. Там, на остановке, стоит черный внедорожник. В голове тут же каруселью пролетают слова Лены, и я уже хочу уйти в другую сторону, как понимаю, что идти некуда. На следующую остановку? Так он меня и там найдет. Вызвать такси? А я и не думала, что мне понадобятся такие деньги – у мамы не брала. Руки начинают просто дико трястись. Делаю короткий шаг вперед. Еще один. Тонированное стекло опускается, и из него на меня смотрит все тот же блондинистый парень. Только глаз не видно, потому что он в черных очках.

– Привет, – улыбается своей обескураживающей улыбкой.

– Привет, – отвечаю, подходя ближе. – Ты опять мимо проезжал?

– В этот раз нет, – продолжает светиться. – В этот раз знал, что ты будешь тут, решил подвезти.

Вот теперь мне реально не по себе!

– А если бы мне не к первой паре надо было? – хмурюсь.

– Постоял бы недолго, да уехал. Не проблема же, – пожимает плечами.

– Я на автобусе доеду, – выдавливаю из себя улыбку, делая короткий шаг назад.

– Аня, – понижая тон, смотрит на меня. Ну, я не была бы так уверена, что прямо на меня, потому что очки закрывают его глаза, но прям всем телом чувствую это давление. – Садись в машину.

Тяжело сглатываю. Ну, он же не затолкает меня в нее силой, да? На негнущихся ногах делаю еще шаг назад.

Ян запрокидывает голову к подголовнику, упираясь в него затылком. Протяжно выдыхает в потолок. Обе руки с силой сжимают руль. Я не хочу за ним наблюдать, правда. Это что-то на уровне инстинктов. Следить за хищником, пока он не сделает свой бросок. Его грудь еще несколько раз высоко вздымается от глубоких вдохов, прежде чем Ян отрывает голову от сидушки и берется за ручку на двери.

– Хорошо! – вскидываю руки ладонями вверх. – Я сяду.

Он снова расцветает в широкой улыбке, чем до жути пугает. Зачем я согласилась? Наверное, чтобы не устраивать концерта.

Сажусь на переднее, пряча ладони между коленей. Руки ходят ходуном. Да чего уж там! Все тело трясется, как желе.

– Замерзла? – обеспокоено смотрит на меня, поднимая очки и выезжает на дорогу.

Неопределенно мотаю головой, не зная, как сказать, от чего меня колотит на самом деле. Но Яну будто плевать вообще, он просто добавляет температуру на панели.

Не отвожу от него взгляда. Пристального. И это не останется незамеченным.

– Говори, – усмехается на один бок.

– Что тебе нужно? – прочищая горло, спрашиваю я.

Сама не знаю, откуда во мне столько смелости.

– Ты, – коротко отвечает, пожимая одним плечом.

Будто у него спросили, как дела, а он ответил “норм”. В смысле, блин, я?!

Я даже воздухом подавилась.

– Зачем? – спрашиваю тихо и осторожно. Кто его знает, в какую сторону рванет.

– Хочу, – растягивает рот, обнажая белые зубы. И от этой улыбки волосы на всем теле встают дыбом. – Как с Матвеем вчера покатались? – кидает невзначай. Резко. Будто продолжение начала фразы.

Но этим только добивает.

– Ты следишь за мной? – голос начинает дрожать вслед за телом.

– Да брось, – фыркает он. – Я в первом часу ночи проезжал мимо “Астории”. Видел вас в машине.

– Прям проезжал и разглядывал все машины, – бурчу себе под нос.

– Я твою черную головушку узнаю из тысячи, Уэнздей.

Мои глаза сначала распахиваются, а затем смотрю на него с прищуром. Вот умом же понимаю, что его лучше не драконить, но, блин…

– Какое еще прозвище дашь мне?

Из головы будто вылетает тот факт, что он реально за мной следит. Теперь волнует только то, что он дает мне клички. Как собаке какой-то.

От возмущения даже не замечаю, что мы уже доехали, и только когда Ян припарковал машину и заглушил мотор, я огляделась.

Снова поворачиваю голову на блондина и натыкаюсь на его глаза. В прямом смысле. Они так близко, что я первым делом даже шарахнулась. Почти нос к носу. Чувствую его дыхание. Мятное. С тонкой ноткой алкоголя. Утром пил? Или вчера?

Неосознанно облизываю губы и с ужасом наблюдаю, как Ян опускает на них взгляд. Облизывает свои следом. Но я не смотрю. Стойко разглядываю мини-Вселенную в его глазах. Голубых. Ледяных. Будто недосягаемых. Хотя между нами расстояние не больше нескольких сантиметров.

От него пахнет цитрусом. Как и в салоне. Но от него исходит еще какой-то запах. Что-то пряное, резкое. Какое-то слишком манящее.

– Мне пора, – выдавливаю из себя хрипло, отодвигаясь.

В ту же секунду на затылок ложится мужская ладонь, удерживая на месте, а в мои губы впиваются чужие.

11. Гениальные идеи

Ян

Я, блять, связь с реальностью потерял! Вообще не понимаю, чем руководствовался, когда решил её поцеловать, просто… захотелось. До скрипа зубов и зуда в штанах. И ждал чего угодно от Ведьмочки, но явно не того, что она замрёт, позволяя себя целовать.

Ну или я думаю, что она позволяет. Ведь бездействие равно согласие. Да?

Провожу языком по сладким губам, слегка их раздвигая. Кончиком языка по ровному ряду зубов. И снова губами в губы. Делаю это, а у самого будто пар из ушей вот-вот пойдёт. Оттягиваю зубами пухлую нижнюю, наслаждаясь каждым прикосновением к ней. Сжимаю волосы на затылке, прижимая её ближе к себе. Хочется разложить её прям на этом сидении и вытрахать всю душу. Но вместо этого кладу на румяную щеку вторую руку. И наконец, дожидаюсь, когда выдохнет, чтобы проникнуть языком внутрь. Она позволяет. Касаюсь своим языком её и чувствую, как в штанах становится теснее. Аня дрожит. Но я хер знает от чего. Боится? Не ожидала? Злится? Сминаю её губы, прикусываю.

И только я это делаю, как Ведьмочка вырывается из захвата. Смотрит на меня яростно. Дышит часто. Зрачки бегают от моего лица до рук и тела. Забавная такая: взъерошенная, губы припухшие, взгляд молнии мечет. Так и хочется по голове погладить, да в лоб поцеловать.

Только пока любуюсь не замечаю, как дёргается её рука, а в следующую секунду по моей щеке прилетает хлёсткая пощёчина. Я-то не пошевелился, только брови поднял. А вот Аня замерла. Вытянула губы в букве “О”. Не дышит. Секунд десять от силы. А потом вылетает из машины, резко схватив свою сумку.

Глубоко вдыхаю. Накидываю очки, что лежат на приборке обратно на глаза. Облизываю губы, ещё чувствуя на них привкус земляники. Теперь главное — не реагировать на землянику так же, как на чёрные головы, а то, боюсь официант не поймёт, если в ответ на предложение земляничного чая я начну размахивать стояком.

Смотрю вслед удаляющейся фигуре. Будь на её месте другая, уже бы догнал в три шага, за гриву схватил и уебал бы пару раз об капот лбом. Но её нельзя. Она мне целая нужна. Такая же красивая, как есть сейчас. Боевая. Хоть и кажется скромной снаружи, но внутри такая дикая кошка сидит, что так и подмывает её оттуда вытащить. Заласкать. Загладить. Затрахать.

Перекидываю ленивый взгляд на сиденье, где Уэнздей сидела ещё минуту назад и губы сами расплываются в довольной улыбке. Потому что её телефон лежит на том самом месте. А это значит, что ей придётся ко мне подойти сегодня ещё раз.

Начинаю ржать. Бля. Как придурок, ей-богу. Мне как будто пять лет, и батя сказал, что отвезёт меня в аквапарк.

Довольный смех прерывает стук в боковое стекло. Поворачиваю голову и вижу Вадима, который показывает мне фак.

Открываю окно.

– Это я тебя вижу, а ты-то меня нет. Спорим, ты сейчас выглядел, как дебил, показывая палец собственному отражению?

– Да похер, – хохочет он. – Куда жертва твоего абьюза понеслась? – кивает в ту сторону, куда ушла Аня.

– На пары, судя по всему, – усмехаюсь. А затем беру в руки её телефон и показываю другу: – Но это точно ненадолго.

Вадя расплывается точно в такой же ухмылке, что и я. А затем сопровождает это протяжным: “хоро-о-ош”.

– Марк приехал? – спрашиваю, выходя из машины и забирая с заднего пассажирского ветровку.

– Не, у него там дела какие-то.

Молча киваю.

– Не удивлён, что из нас троих только ты в универе ежедневно, – усмехаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.